

Первая лисица.

(Изъ охотничьихъ воспоминаній.)

Въ раннее ноябрьское туманное утро наша охотничья компанія, состоявшая изъ помѣщиковъ—моихъ сосѣдей—Пильховскаго, Лемпицкаго, Выковского и меня, была уже въ Каменскихъ кустахъ, занимавшихъ собою площадь въ 300 десятинъ и изрѣзанныхъ кое-гдѣ небольшими клочками пахотной земли и болотами. Въ кустахъ этихъ ютились зайцы съ окрестныхъ полей и попадались иногда лисицы. Сюда я частенько навѣдывался, охотясь на утокъ на небольшихъ, но крайне топкихъ болотахъ, разсѣянныхъ между крутыми горами, а также и на куропатокъ, стада которыхъ постоянно держались по опушкамъ кустовъ, а то и въ самыхъ кустахъ, прячась отъ кобчиковъ, которыхъ здѣсь водилось очень много. Пара гончихъ помѣщика Лемпицкаго была хорошо натаскана по зайцамъ; особенно хорошъ былъ кобель Кларнетъ, помѣсь польской и костромской крови; звучный басъ его слышенъ былъ далеко и въ общемъ чудно сливался съ тонкимъ голоскомъ суки Вислы.

Лишь вошли мы въ кусты, какъ сейчасъ же Кларнетъ поднялъ зайца, и дуэтъ начался. Переходя пахотное поле среди зарослей, я увидѣлъ выскочившаго у меня изъ-подъ ногъ зайца. Я выстрѣлилъ разъ, другой и, къ моему удивленію, заяцъ ушелъ безнаказанно! Я стоялъ, недоумѣвая, какимъ образомъ это произошло. Наканунѣ я сдѣлалъ 100 патроновъ изъ пороха, недавно мною полученнаго, и радовался, что запасъ ихъ у меня порядочный, и

вдругъ этакая штука! Не попалъ въ зайца на чистомъ поле. Живо снялъ я фуражку, повѣсилъ ее на дерево и и, отсчитавъ 60 шаговъ, выстрѣлилъ... ни одной дробины.

Я уменьшилъ дистанцію до 40 шаговъ, и результатъ выстрѣла получился тотъ же! Тогда я понялъ, что порохъ былъ подмоченъ и затѣмъ высушенъ и что всѣ мои патроны никуда не годны. Одолжаться не у кого, такъ какъ у моихъ компаніоновъ калибръ ружья былъ 16, а у меня 12. Горе да и только! Посылать домой — далеко, а гончія, какъ на зло, не прекращаютъ гона... Послышался выстрѣлъ и рожокъ Лемпицкаго, — убилъ, значитъ. Вынувъ всѣ патроны изъ сумки, я сталъ искать, не найду ли хоть одного стараго патрона, — увы! — нашелся лишь одинъ и то съ утиной дробью. Плохо, но дѣлать нечего. Вложивъ его въ лѣвый стволъ, а въ правый новый патронъ, я сталъ понемногу подвигаться къ мѣсту, откуда раздался послѣдній звукъ рожка. Пройдя около полверсты, я услышалъ гонъ Кларнета сначала по зрячему, а затѣмъ, по его своеобразной манерѣ гнать лису рѣдкимъ лаемъ, я понялъ, что именно на нее онъ наткнулся. Въ жизни своей я никогда еще не убивалъ лисы, хотя видѣть ихъ часто приходилось. Помню, разъ вышла на мой № лиса не далѣе 25 шаговъ и остановилась. У меня такъ забилося сердце и я такую запоролъ горячку, что выстрѣлилъ по ней почти не цѣлясь, и, конечно, она благополучно ушла къ моему неутѣшному горю.

Съ тѣхъ поръ я закаялся горячиться. Но, Боже мой, сколько разъ мнѣ пришлось каяться въ этой оплошности! Выбравъ удобное мѣсто, я остановился и сталъ прислушиваться. Гонъ то приближался ко мнѣ, то совсѣмъ уходилъ въ сторону, а я все стоялъ на мѣстѣ, не желая дѣлать лишнихъ слѣдовъ. Но вотъ гонъ какъ будто сталъ приближаться ко мнѣ. Я насторожился. Прошло минутъ 5, гонъ все ближе и ближе, и вдругъ гляжу по оврагу бѣжитъ рысью лиса какъ разъ противъ меня; оврагъ дѣлалъ поворотъ, и, какъ только лиса поравнялась со мной и была на поворотѣ, я выстрѣлилъ изъ лѣваго ствола и при-

готовился стрѣлять изъ праваго, забывая о негодности патрона, но надобности во второмъ выстрѣлѣ не было: лисица лежала на землѣ и, повидимому, отъ сильной боли кусала себѣ лапы.

Я былъ такъ обрадованъ своею удачею, что не помнилъ себя отъ восторга. Наконецъ-то я убилъ лису!! На мои призывные крики скоро собрались другіе охотники, и имъ я рассказалъ, какъ было дѣло съ патронами, и что стрѣлялъ я по лисѣ утиной дробью.

Смѣрили разстояние; оказалось 70 шаговъ. Когда же дома сняли шкуру, то выяснилось, что попалъ я одной дробиною въ голову и двумя въ задъ, а слѣдовательно, лиса была убита только одной дробиною. На этомъ мѣстѣ мы сдѣлали привалъ, выпили, закусили и, отдохнувъ немного, тронулись въ другой конецъ кустовъ, ближе къ полю. Собаки шныряли по кустамъ, а мы шли попарно, разговаривая о разныхъ охотничьихъ случаяхъ. Такимъ образомъ мы подошли къ крутому обрыву, за которымъ было большое, высохшее болото, поросшее высокой травой и камышомъ. Болото это соединялось узкой лощиной съ лѣсомъ, а по краямъ его росли средней величины ольхи, — такъ что видъ на болото заслонялся вершинами деревьевъ.

Лемпицкій и Пильховскій были отъ меня и Выковского шагахъ въ 100, а отъ лощинъ въ 70. Разговаривая съ Выковскимъ, я вдругъ увидѣлъ что-то мелькнувшее среди вѣтвей деревьевъ и одновременно послышался гонъ по зрячему. Лемпицкій и Пильховскій остановились и, видя, что я бѣгу какъ бы наперерѣзъ къ лощинѣ, вынесли ружья и ждали въ такомъ положеніи появленія неизвѣстнаго звѣря, который не замедлилъ показаться, направляясь лощиной къ кустамъ. Грянули одновременно два выстрѣла, и въ то же время я увидѣлъ лисицу, входившую уже въ кусты; я пустилъ ей вдогонку свой выстрѣлъ и побѣждалъ къ кустамъ, полагая, что она тамъ лежитъ, но тутъ-то было! Собаки пошли хорошо. Голосъ Кларнета все время раздавался въ разныхъ частяхъ лѣса, но встрѣтиться съ лисой никому изъ насъ не удалось: она вышла въ поле, а тамъ перебралась въ другой лѣсъ, и мы, чтобы

не терять даромъ времени, отозвали собакъ и стали опять гоняться за русаками. Послѣ уже мы узнали, что пастухи нашли лисицу на дорогѣ уже мертвой.

Многіе годы висѣла на стѣнѣ шкура первой лисицы, пока окончательно моль ея не съѣла. И теперь еще лисица для меня представляетъ самую привлекательную мишень и все еще сердце усиленно бьется, когда по ней стрѣляю.

С. А. Туганъ-Барановскій.